

Стихотворения из книги «Тетрадрахма» (Москва, «Синяя гора», 2024)

Основная тональность книги, «опорные точки» — осмысление истории и попытка через прошлое осознать настоящее, обращение к классикам, философское осмысление действительности, попытка разобраться в себе и в современности, смешение мифологического, полупоэтического с суровой реальностью

* * *

Пуцин к Пушкину подъезжает,
всё Михайловское в снегах,
и родная страна — чужая,
и свобода — один лишь прах.

год в историю декабристским,
не боясь ничего, войдёт,
Пуцин свидится с другом близким,
Александра к груди прижмёт.

будет утро, и день, и вечер,
будет хлопать легко клико,
будет с Пуциным Пушкин светел,
будет взмахивать он рукой,

позабыв про свою опалу,
высший свет и невысший свет.
скажет Пуцин, что горя мало,
скажет Пушкин, что горя нет.

* * *

ничего у жизни не проси,
заходя в маршрутное такси,
в уши механически воткни
песню про сигнальные огни

или про ушедшие года,
поезжай неведомо куда.
людям легче: знают свой маршрут
и без Ходасевича живут.

впрочем, если что-то и просить,

то возможность лиру сохранить
и своим путём зерна идти,
в европейской ночи прорасти.

* * *

я в литературу входил тяжело
лопата со мною была и кайло
кирка для той самой словесной руды
я влился наверно в ряды

я частью какой-то наверно стал
мне тридцать почти палиндромно латал
и рвал и латал стихотворную сеть
и надо куда-то взростеть

перевоплощаться не знаю в кого
кто знает вдруг это вот всё баловство
таблетка от смерти на несколько лет
а может быть всё-таки нет

* * *

Мне всё ближе усталый Блок
с фотографии Наппельбаума,
а не бодрый какой-то блог.
Я из тех, кто живёт по-старому.

Я разглядываю её, —
оцифрованную, доступную, —
будто что-то в ней есть моё,
сокровенное и подспудное.

Двадцать первый жестокий год
века яростного двадцатого.
И предчувствует что-то, ждёт,
смотрит вдаль из окна Ахматова.

* * *

вот человек, вот лирика его.
а был далёкий предок человека —

не человек, а только существо
из волосатого какого века,

он страшный и зовётся гоминид,
а попадись стихи в его ручищи —
он взглядом их одним воспламенит
и палок, чтоб держать огонь, разыщет.

Стихотворения из книги «Очное, заочное и ночное» (Москва, «Синяя гора», 2025)

Основная тональность книги, «опорные точки» — в целом те же, что и в предыдущей. Наверное, побольше обращения к 1990-м годам — времени детства и становления; обращение к истории и настоящему, попытка сохранить частный голос и своё дыхание в условиях, мало подходящих для этого.

* * *

вот человек и слаб и смертен
другой такой же плоть от плоти
но отправляются во Штеттин
на философском пароходе

все утрамбованы пожитки
и согласованы детали
от исторической ошибки
они навеки уплывали

как хорошо что пожалели
на них патроны ли верёвки
и уплывали в самом деле
негодные для перековки

и увезли с собою воздух
так просто будто это сонник
потом вернулись в девяностых
в отдельных или многотомных

* * *

позабыты живые журналы, —
то ли время их пережевало,
то ли время их пережило, —
и журналам живым тяжело.

там комменты десятого года,
там подборки седьмого, восьмого,
там была тихим пульсом — свобода,
что ещё не словарное слово.

я ваш друг, никакой не противник —
тех, которым уже за полтинник,
вы ушли на иные платформы,

моложаво, умело, проворно.

никуда я уже не уеду —
в то, что было ещё до ЖЖ, до
тёплых ламповых грешных болталок
на грузящихся туго порталах,

до e-mail'ов на сказочном Yahoo,
и сегодня я рано не лягу —
а продолжу шататься туристом
по ЖЖ потаённым и мглистым.

* * *

«Боже, дай тепла и зёрен» —
чем не песня для датчан?
но молчал и думал Сёрен,
чаще думал и молчал.

в XIX столетьи
хорошо-нехорошо:
Бог в ответе? мы в ответе
вот за это и ещё

вот за то? а Сёрен только
вглядывался в темноту, —
человека и осколка
не увидишь на свету.

Из цикла «Как мог сказать философ»:

3
как мог сказать философ Фейербах:
Бог в голове, но чаще — на губах.
зачем всё это, бедный человек,
ты встань с колен и продлевай свой век.
ты, в центре — ты, и устрани боязнь,
увидишь: жизнь твоя не началась,
ещё начнётся и за-вер-тит-ся,
иначе можно, но никак нельзя.

4
как мог сказать философ Лао-цзы:

торопишься? теперь притормози
и уподобься чайному листу,
постой на шатком низеньком мосту.
они спешат и пусть себе спешат,
и ничего, конечно, не решат,
а от себя уйдут наверняка:
уходит так тепло от сквозняка.

7

как мог сказать философ Диоген:
зачем нам торжество мифологем,
когда есть минимум, хвала ему,
а остальное тонет пусть в дыму.
но в мире встанут новые дворцы,
в них будут наслаждаться подлецы
телами, фруктами, вином, войной —
всё это без меня и не со мной.

* * *

в советской школе кой-какого года —
ни с чем не сравнимое, уникальное ЧП:
второгодник пришёл с плакатом СВОБОДА,
и всему педколлективу сразу стало не по себе.

разве ты не свободен, Афанасьев? —
директор сначала спокойно узнал у него,
а Афанасьев, в разные цвета разукрасив
буквы свободы, не отвечал ничего.

и вот уже родителей выдёргивают с производства,
и школа вся на ушах, и они идут туды;
а прадед Афанасьева, был бы жив,
заявил бы руководству:
я знавал Ленина, когда был он не Лениным
и без бороды.

Стихотворения из книги «Культурный слой» (Москва, «Синяя гора», 2026 г.)

Основная тональность книги, «опорные точки» — философское, метафизическое осмысление человека в условиях современности, попытки через иронию преодолеть боль и неопределённость, обращение к вечным вопросам жизни и смерти, предназначении человека.

* * *

соединение сброшено
разъединение начато
мало того продолжено
в некоем новом качестве

можно открыть Бэция
или пойти куда ещё
с собственной поэзией
с функцией утешающей

произнеси *действительность*
семикилометровое
слово курсивом выделить
шишечкой стать сосновою

станцией стать Смолистою
монотропинкой узкою
вырвусь восстану выстою
скажет лесная музыка

* * *

человек пока весом
сделан из материи
что с весёлым мертвецом
он споёт во сне
или с вороном каким
посидит на дереве
человек необъясним
можно верить мне

человек весом пока
маленькие шансики

есть ещё наверняка
эту жизнь продлить
а проснётся он опять
будет всё по классике
не прибавить не отнять
и не поделить

* * *

раскинулось море широко,
а берег давно где-то там,
и сложности средней судоку
осиливает капитан.

команда матросов с азартом
ведёт разговоры в дыму:
одна половина — за Сартра,
другая — с Альбером Камю.

а то, что пробоина где-то —
так это, простите, пустяк,
на ваши вопросы ответы —
наш белый заслуженный флаг.

и нет ни единой причины
удерживаться на плаву.
пучина? извольте, пучина.
мы ждём её на randevu.

* * *

декабрь, и дышит еле-еле
практически ушедший год,
старик в прокуренной «Газели»
диктует: «Восемь-девятьсот»
который раз, и вновь, сбиваясь,
с восьмёрки начинает ход,
а ты подумаешь, что старость,
быть может, и к тебе придёт,
держа смиренный узелочек,
где валидол, валокордин
и флешка с тысячами строчек:

СТИХИ, И ТЫ СОВСЕМ ОДИН.

* * *

кто трамвай «Желание» упустил
и догнать пытался, но не догнал?
те уже далече, тех след простыл,
копией прикинулся оригинал.

чёрно-белой лентой, двухцветным сном
я останусь в прошлом, как тот трамвай,
только жизнь правдивее, чем кино,
но насколько шире её канва?